
Сергей ШУМСКИЙ

ДВА ТОВАРИЩА

Повесть

Армейский вещмешок

Последний заказчик рассчитался наличкой. Выгреб на стол из сейфа целую гору денег, часть была в банковской упаковке, часть навалом. Иван заглянул в пустой сейф: «Да, бумажек покрупнее нет». Хозяин кабинета развел руками:

— Ну извините, ребята, не специально. Должны были деньги на счет упасть, задержка какая-то. Подождете? Я вам сразу их на карточки перегоню.

Иван вздохнул:

— Поезд у нас сегодня.

Колю удивил спокойный тон товарища: «Что-то с ним не так сегодня, с самого утра он какой-то приторможенный», а вслух сказал, обращаясь к Ивану, но так, чтобы и заказчик услышал:

— Пусть он их хоть на крупные поменяет, тут же почти одни пятихатки и сотенные!

— Поменять, конечно, можно. Только делать это придется небольшими суммами, в банках сейчас с этим строго. За сегодня я не успею.

Стало ясно, что заказчик решил рассчитаться с ними неучтенными деньгами, с которыми, конечно, лучше лишний раз не светиться в банке.

— Ну? — Иван посмотрел на своих.

— Я в вашу Европу не тороплюсь, можно и подождать, — Коля попытался уйти от прямого ответа.

— Ты чего?! Нельзя заказ в Братиславе терять! — влез в разговор Денис.

— Ух, как ты деньги любишь, — в голосе Коли явно слышалось презрение.

— Вам хорошо бесребрениками быть. Вы сами по себе. А у меня семья, кредиты.

Иван дослушал эту мелкую перебранку и коротко уронил:

— Берем.

Деньги положили в армейский вещмешок Ивана, никуда больше они бы и не вошли. Мешок был сильно потрепанный, но Иван его очень любил. Говорил, что солдатский вещевой мешок — мера вещей, в него входит все, что человеку нужно. И действительно, даже в самые долгие командировки Иван отправлялся с одним этим мешком, в то время как у Коли была внушительного размера сумка на колесиках, а у Дениса даже и две, правда, одна из них была занята тестерами, адаптерами-переходниками, наборами инструментов, ноутбуком и прочими нужными ему для работы вещами — он был «электронный мозг» их небольшой бригады. Вещи Ивана сложили в багаж Коли, Денис завтра откальвался от группы на день-другой, зачем лишний раз перебирать барахло.

Сергей Иванович Шумский родился в 1962 году на Алтае. После окончания факультета журналистики Уральского университета (г. Свердловск) в 1985 году несколько лет работал в Барнауле в одной из самых тиражных региональных газет СССР. Учился на сценарном отделении ВГИКа. Публиковался в журналах «Чайка» и «Эдита». Живет в Ижевске.

Вещмешок оказался набит деньгами почти под завязку. С заказчиком попрощались без обид.

— Координаты мои у вас есть, будет работа, звоните, — пожал ему руку Иван.

До поезда оставалось несколько часов, как раз, чтобы неторопливо выпить и хорошо закусить — отправились в ресторан. С середины обеда стало заметно, что Денис нервничает. Иван с Колей дождались, когда тот уже начал ерзать на стуле.

— Ну, спрашивай уже, — подтолкнул его Коля.

Краснея, Денис выдавил:

— А, это, деньги-то когда делить будем?

— Ну, не здесь же, Денис. Сядем в поезд, мы с Колей ляжем отдыхать, а ты будешь дневальным. Вот тогда деньги и поделишь в спокойной обстановке.

На шутку про дневальить всю ночь Денис не обиделся. Небольшая это плата за подарок судьбы — от Риги до дома ему рукой подать, он уже завтра ночью, а может, даже вечером увидит своих, побудет с ними хоть сколько-то, ребята же будут болтаться в чужом городе по кабакам и гостиницам. А Денису реально повезло, могли бы ведь сразу в Словакию поехать, но понадобилось утрясти какие-то детали с договором по работе в Братиславе, а заказ на нее поступил от кого-то из Риги. Детали утрясать будет Иван, Коля с Денисом тут мало что могут посоветовать. Денис позвал Колю в гости, но тот отказался: «Вдруг Ивану помощь потребуется? Да и в Риге я ни разу не был, интересно посмотреть, что за город». Денис признался себе, что этот отказ его обрадовал — не придется разрываться между семьей и гостем.

Иван, узнав, что придется заглянуть в Ригу, даже и обрадовался. Достал старую записную книжку, нашел нужную страницу и распустил пышные усы в широкой улыбке: «Сейчас позвонить или сюрприз сделать?»

Коля немного завидовал, что у Ивана в любом городе находились знакомые женщины. Знакомых по жизни и у самого Коли было достаточно из самых разных мест, но он и телефонами с ними редко когда обменивался, а чтобы звонить — этого не бывало: она меня уж и не вспомнит, чего и звонить, навязываться. Это он так другим говорил, да и себя так пытался обманывать. На самом же деле был однолюбом, как встретил свою «большую белую женщину», так и пропал для всех других женщин. И теперь бы рванул он к ней на Урал хоть на день, хоть на час, да только крепко они поругались в последнюю встречу. И женщина была права в том их споре-ругани, и он был прав. А чтобы помириться, кто-то из них должен отказаться от своей правды. Коля знал, что отказаться должен он: перестать наконец мотаться по белу свету и осесть рядом с любимой, гнездо семейное вить. Она-то никак от своей правды не откажется: не будет же она, прекрасная большая белая учительница русского языка и литературы, летать с ним по командировкам. Не будет.

У Ивана отношения с женщинами складывались по-другому. И не скажешь, что он всех своих знакомых с Новым годом или Восьмым марта поздравляет, а вот когда понадобится — позвонит и как-то так поговорит, что почти каждая признается ему, что помнит, любит и ждет.

— А эту как зовут? — спросил Коля Ивана.

— Люция, — глаза Ивана заблестели, а улыбка стала еще шире.

— Француженка или испанка какая?

— Какая француженка, какая испанка, Николай! — Денис был заметно моложе почти ровесников Ивана и Коли и обращался к ним по полным именам. — Люциями своих дочерей называют католики в Польше и Германии.

— Ну, не знаю я этих ваших европейских тонкостей. Так кто она, Иван?

— Польша.

Но это было в день, когда они узнали, что надо ехать в Ригу. А сегодня, за несколько часов до поезда, который везет его к Люции, Иван не только не вспоминал о женщине, он, и всегда-то не любивший много говорить, был замкнут, иногда морщился, даже будто вздрагивал, словно от боли.

В магазине, перед поездом, Коля определился в своих наблюдениях за Иваном: «Что-то с ним не так. Вон и водки взял лишнего». Спросить прямо, что с ним случилось, Коля и не подумал, они никогда не лезли друг другу в души, может, поэтому и сблизились, ценили друг друга за умение не задавать лишних вопросов.

Проводница вагона была хоть и правильных черт женщина, однако в чем-то едва уловимо мужиковатая, холодно-вежливая, с неприятным голосом.

— Кипяток в титане уже есть, хозяйка?

— Я смогу принести вам чай через час после отправления поезда.

— Однако! Какая точность!

— Вы нас не поняли, мы не пьем ваш пакетный чай, сами заварим. Кипяток уже есть?

— Еще нет, я сообщу вам, когда он будет готов. Проходите в вагон!

Часа через полтора она действительно постучала в купе сообщить о кипятке. Коля аккуратно приоткрыл дверь, чтобы из коридора не было видно уставленного бутылками и закуской столика, не сразу понял, что она хочет:

— А! Нет, чаю мы уже не хотим, спасибо, не беспокойте нас.

Проводница заподозрила, что «азиаты выпивают», и решила при первой возможности вызвать полицию.

Денис, не дожидаясь застолья, забрался на верхнюю полку с намерением хорошо выспаться, чтобы попасть к жене свежим, но его разбудила своим стуком проводница, а потом он невольно заслушался разговором коллег. Они почти никогда при нем не говорили о своем прошлом, но по обрывкам услышанных реплик, по географии, которая иногда звучала, по отдельным словам — жаргонным или специальным — Денис догадывался, что мужики где-то с кем-то когда-то и за что-то воевали, и, кажется, много. Иван и Коля не скрывали свое прошлое от Дениса, просто прошлое было настолько близко, настолько в памяти, что говорить о нем подробно было без надобности. Иногда прошлое само прорывалось в сегодняшний день. Как вот теперь.

Иван зачистил с порциями, но водка помогала мало. Когда по его лицу пробежала явная гримаса боли, Коля наконец спросил:

— Иван, что с тобой?

— Нога. Что-то болит под коленкой. Дергает прямо до мозгов.

— Ну-ка покажи!

— Да что ты там увидишь, это внутри.

— И когда это началось?

— Вчера, пожалуй.

— Так надо было сегодня в городе в больничку зайти!

— Я думал, пройдет, сначала просто тянуло, теперь стреляет.

— Давай все же посмотрим.

Кожа под коленкой покраснела, но никакого нарыва, никакой ранки, даже самой маленькой, Коля не разглядел. А вот опухоль была уже явно заметна, кожа на ней растянулась, стали заметны пятнышки старых мелких шрамов.

— А шрамы эти откуда? Я не помню этого твоего ранения.

— Это еще до тебя. Серьезное дело было, но обошлось, мы все живыми выскочили, меня вот только посеколо немного.

— Не пойму, дробь, что ли?!

— Та нет. «Бармалей» меня заметил, я за какую-то... у стены дворца укрылся. Стена из гранита была. Дождался, пока он в мою сторону весь рожок выпустит, и тогда уж

снял его. Осколки гранита, который он вокруг меня крошил, кожу мне немного и продырявили. Но они неглубоко вошли.

— А может, какой глубоко попал. И сейчас наружу запросился.

— Может.

— Сам не выйдет, резать надо. Эх, Серега бы сейчас вмиг все устроил, — произнес Коля и осекся. Говорить с Иваном о Сереге — запретная тема. Ну, не запретная, а очень, очень деликатная, не надо было ему вспоминать про третьего их боевого товарища. Коля посмотрел на Ивана и увидел, как у того в глазах прибавилось влаги — от боли или от разбуженной его словами памяти их последнего рейда?

— Давай за него выпьем, — сказал Иван, откинулся назад и увидел Дениса, о котором он совсем забыл. — Дневальный, спускайся к столу, помяни с нами хорошего нашего товарища.

— Слазь, слазь, — позвал его и Коля, разливая водку.

Денис понял, что отказываться нельзя, прыгнул сверху с мыслью «Выпью чуть и спать».

— Ты помнишь, что ты сегодня инкассатор? — спросил его Коля. — Мы посидим немного, ты потом приберешь на столе и деньги поделишь, утром раздашь нам наши доли.

Выпили не чокаясь, Иван коротко уронил: «За тех, кого уже с нами нет». Пока Денис соображал, сколько минуток ему из вежливости надо посидеть за столом, Коля налил еще, потом закусывали, потом Денис невольно заслушался разговором и остался за столом надолго. Он потом не смог вспомнить, как надолго. А в памяти четко остались только отдельные детали. Например, о том, что Сергей был каким-то прирожденным лекарем, даже курсов армейских санинструкторов не проходил, но по какому-то природному чутью мог усиками от чеки гранаты ловко наложить скобы на рваную рану. И крошку гранитную он из ноги Ивана выковыривал штык-ножом.

— Обыкновенным штык-ножом? — не поверил или удивился Денис.

— Нет, Денис, у нас были необыкновенные штык-ножи.

— Что значит — необыкновенные?

Иван закрыл глаза, скрипнул зубами от боли, замолчал. На вопрос Дениса ответил Коля. Штык-нож к автомату Калашникова образца 1947 года недолго был на вооружении, считался неудобным и малофункциональным. Однако некоторые мастера ножевого боя боготворят именно его. Длинный, узкий, обоюдоострый. Еще одна фишка этого ножа — ножны. Они тоже оружие.

Захмелевший Коля хвастался:

— Вот взяли тебя, разоружили. А ты нож отдай, а ножны оставь, знаешь, какой у них острый конец? Не хуже ножа в тело входит, как в масло.

«Растрепался, — подумал Иван про Колю. — Хотя знает, о чем говорит». Самого Ивана работать со штыком учил большой мастер, еще в армии, в последний месяц спецподготовки, когда в учебном центре оставались только те, кто действительно готов „физически и морально“ к выполнению разведывательных и диверсионных мероприятий „автономно в самых экстремальных условиях“.

А Колю ножевому бою учил уже Иван, когда они сдружились в ЧВК. И был случай, когда эти штык-ножи очень им помогли. Если бы штык-нож висел у них на поясном ремне или где-то на разгрузке, спасительный фокус мог бы не получиться. Но вложенные в ножны штыки были всунуты в берцы так, что ножны оставались почти незаметными. «Бармалеи» этот момент не просекли, когда смотрели, как Иван, Серега и Коля, бросив к их ногам бесполезное уже — за израсходованным полностью боезапасом — оружие, бросили туда же и ножи, ножны же сохранились в ботинках. После этого оставалось только дожидаться удобного момента чтобы снять караульных, кото-

рые уводили их на свою территорию. Сняли их как раз ножнами. Именно эту историю рассказывал сейчас Денису Коля. Иван не стал его останавливать — было интересно, как тот ее закончит. Закончил Коля правильно:

— После того случая мы и стали самыми лучшими друзьями. На всю жизнь.

— А как погиб ваш... — захмелевший Денис решил спросить о судьбе Сереги, за помин души которого он и спустился выпить, но Коля его резко остановил:

— Хватит базарить, что-то ты разговорился, молодой. Наливай лучше!

Иван открыл глаза:

— И тебе хватит базарить, неизвестный герой!

— Ну да, что-то меня понесло, — согласился Коля.

Дальше разговор был простой: «наливай», «поехали», «давай еще по одной». Простой, но долгий. До конца участвовал в нем и Денис, забывший не только про свою обязанность поделить общие деньги (да хотя бы и просто их сохранить), но и про свое желание приехать к жене и детям свежим. Денис забылся хмельным сном первый, чуть дольше продержался Коля. Когда пить стало не с кем, Иван собрал, не разбирая, все со стола, унес в мусорный контейнер. Ходил он к этому моменту уже заметно привлекая ногу.

Тяжелое утро застало их в таком положении: Иван и Коля спали, вытянувшись на своих нижних местах, Денис же заснул сидя, в ногах у Коли, у самой двери в купе. Он так крепко спал, что никак не реагировал на проводницу — ни на ее неприятный голос, ни на ее злые тычки в бок.

— Господа пассажиры, — обратилась она к Ивану и Коле, которые мгновенно проснулись от звука открываемой двери, но какое-то время делали вид, что спят, и с любопытством наблюдали за попытками немолодой и когда-то по-своему красивой женщины разбудить Дениса. — Наш поезд прибыл на станцию Рига-Пассажи́рская, — оставила проводница Дениса и обратилась к его старшим товарищам: — Просыпайтесь и потрудитесь привести в чувство вашего третьего приятеля и покиньте, пожалуйста, вагон. Поскорее!

— Покинем, дорогая, — вполне дружелюбно ответил ей Коля.

— Я вам никакая не «дорогая»!

Коля готов был завестись: мусульманин по рождению и немного по воспитанию, он ожидал пусть показного, но уважения к себе со стороны женщины:

— Да, по тебе видно, что недорого стоишь.

— Что вы имеете в виду? — проводница побледнела и едва удержалась от ругани. Она бы обязательно устроила скандал, да только времени на это у нее совсем не было: позвонила старая тетка и потребовала срочно приехать. Незамужняя и бездетная проводница вынуждена была терпеть вредный характер своей родственницы, которая смотрела за хозяйством во время ее поездок. До следующего рейса всего несколько часов, она и вагон привела в полный порядок ночью, чтобы утром только быстренько убрать за пассажирами двух остающихся занятыми до конечной станции купе и метнуться на родной хутор, который она любила больше всего в своей жизни. Сдержалась, стиснула зубы и только выдавила из себя с жутким акцентом: — Вещи свои не забывайте!

Из всех своих вещей троица забыла только одну — вещмешок с зарплатой. Кто-то вчера запихнул-таки деньги в самый дальний угол купе для сохранности, утром мешок никому не попался на глаза. Они вышли на перрон, остановились и, приходя в себя, неторопливо рассматривали вокзал, людей, друг друга.

Они едва успели закурить, как дверь вагона резко распахнулась — так, что все трое вздрогнули. Проводница, эта глупая и злая на жизнь хуторянка, со всем возможным

презрением кинула к их ногам потрепанный солдатский вещмешок. В любой другой раз она бы обязательно посмотрела, что в нем оставили пассажиры, но сегодня она очень торопилась, пассажиры, оставившие свой багаж, были ей неприятны, да и что может быть в этом старом дешевом рюкзаке? Какие-нибудь нечистые носки этих пьяных командировочных, а тяжелый он оттого, что в нем лежит водка. Она брезгливо взяла его за лямку, потащила к дверям, радуясь, что ненавистная тройца все еще топчется рядом с вагоном. Мешок она бросила на платформу сознательно, она уже слышала звон разбитых бутылок:

— Держите свое барахло, босяки!

Все же женщина себя не сдержала, решила хоть накоротке поругаться с чужаками.

Иван и Коля сначала посмотрели на упавший к их ногам кошелек, потом на Дениса, который мгновенно побледнел — как он мог забыть про деньги?

— Это залет, Дзянис, — Коля очень серьезно смотрел на Дениса, Иван же наклонился к мешку, ловким движением развязал узел и приоткрыл мешок так, что стали видны хранившиеся там в тесноте деньги. У работницы Рижской железной дороги перекосило лицо: «Какого же богатства я лишилась! Я не только свой хутор на эти деньги весь обновила бы, еще и соседний выкупила, такую пасеку бы завела и никогда бы больше и близко не подошла к железной дороге!» Горечь от упущенного счастья вырвалась из нее громким шипением: «У-у, ма-а-ска-али!»

«Москали» посмотрели друг на друга и разом громко захохотали. Ни один из них собственно русским не был.

Нерусские москали

Иван — хохол, да еще из самых западных, из Закарпатья. От разбавленной кем-то из предков, и, скорее всего, не один раз, крови похож он был больше то ли на цыгана, то ли на румына. Впрочем, и в Венгрии, и в Чехии, где он когда-то любил бывать, он легко сходил за своего. Но это, пожалуй, не от физического сходства, ведь не мог же он походить сразу на все народы, а от какого-то врожденного умения мгновенно перенимать самые характерные движения и мимику людей, среди которых оказался.

С подростков Иван промышлял контрабандой, граница-то рядом. Помимо контрабандных товаров, компания, в которую он попал, не гнушалась и воровством. Иван воровал не для продажи, а от любви к технике. Он специализировался на мотоциклах, успел собрать целую коллекцию. Хвост ему прищемили, когда он угнал коллекционный кроссовый двухсотпятидесятикубовый «Чезет» из первой партии 1962 года. Долго он готовился к тому делу. Все вроде бы прошло удачно, видел его только знакомый и давно прикормленный прапорщик на пограничном переходе. Иван не успел спросить, из-за чего прапорщик его сдал, надо было срочно делать ноги. Спасибо товарищу отца, не последнему человеку в Ужгороде, шепнул, мол, международный скандал, пусть Ванька бежит из дому, прикрыть его не смогу.

— Куда бежать, отец? Может, в Польшу, я там ничего не брал? Или в Словакию, там у меня есть у кого остановиться?

— Забудь про Европу, если тебя всерьез ищут, тебя везде найдут.

— Так куда мне, батя?

— В Россию. Она большая. Всех примет. А если ты ее полюбишь, то и согреет.

Иван наскоро простился с родителями, хотел заглянуть к единственной старшей сестре, ни к ней даже, а к маленькому своему племяннику, с которым любил повозиться, но отец отсоветовал — не время сейчас. Иван не думал тогда, что видит отца с матерью в последний раз. А отец, проводив сына, долго сидел в саду, среди роз, которых он вы-

садил так много, что уже и не помнил, сколько у него сортов, сколько кустов. Потом спустился в просторный подвал, пил самое старое свое вино, силился понять, отчего же так незаметно прошли годы. Ведь совсем недавно жена вернулась домой с долгожданным сыном, он взял «цыганенка» на руки, покачал, подбросил к потолку, «уронил» и подхватил младенца перед самым полом. Новый человек терпеливо вынес суровые ласки отца.

— Придумал имя сыну? — спросила жена.

— Ему Бог имя придумал. Ты ведь родила его в ночь под Ивана Купалу, значит, и быть ему Иваном.

«Свидимся ли еще, сынок?» — спросил себя постаревший вдруг Богдан и ответил: «Нет. Сердце чувствует, нет».

Так и случилось. Иван колесил по бескрайней России, все искал, на какое место душа его откликнется. Родители, сначала мать, потом быстро вслед за ней отец, умерли, об их смерти Иван узнал не сразу. С украинскими своими документами он вел себя очень осторожно в России — вдруг его и здесь ищут из-за украденного мотоцикла? На легальное положение он перешел, когда работал механиком в одной из магаданских артелей золотодобытчиков. Хозяин артели, который приехал на Колыму еще из Советской Украины, помог Ивану получить российское гражданство. Только тогда, в первый раз за несколько лет, Иван позвонил домой. Сестра больно упрекнула за то, что брат не был на похоронах родителей. Оправдываться Иван не стал, но сестре с того дня больше не звонил. С российским паспортом в кармане он было почувствовал себя спокойнее, однако с гражданством появилась и обязанность перед государством — армейская служба. Армия, в которую он попал в двадцать два года, ему понравилась. Разве было немного жаль, что после очень серьезной подготовки не пришлось толком повоевать: режим контртеррористической операции на Северном Кавказе формально еще не был отменен, но в горах было уже почти мирно.

После службы Ивана с распростертыми объятиями взяли в частную военную компанию. Иван звал с собой и Серегу, лучшего своего друга еще с учебки, где их натаскивали работать парой «снайпер—наблюдатель». Учителя долго не могли решить, кто же из этих двоих первый номер, а кто второй, кому быть снайпером, кому наблюдателем — настолько равными были у них показатели. Все решил тест психолога. Психолог сделал вывод: Иван склонен к функциональному восприятию мира, конкретному, Сергей — к целостному, абстрактному. Снайпером стал Иван.

Серега не соблазнился службой в ЧВК. Сказал, что хочет учиться, а не воевать, да и девушка его ждет.

...Единственный раз после побега в Россию Иван съездил на родину осенью 2014 года. В отцовском доме жила сестра со своей семьей. Сестра и обрадовалась встрече с братом, и насторожилась: не станет ли он требовать своей доли от родительского наследства? Иван успокоил: «Живи спокойно, расти детей. Я у тебя никогда ничего не потребую». Перед отъездом собрались за большим столом товарищи: и школьные, и уцелевшие контрабандисты, пришли старшие — ровесники родителей — соседи. Хорошо сидели. Пока Иван не спросил, сначала у стариков соседей: «Ну что, хохлы, лучше вам без России живется?» Стол затих. Один только, самый старший ответил: «Какое лучше? Так нас же никто не спрашивал, вместе мы с Россией хотим жить или отдельно». Тут бы и закончить разговор про «политику», но Иван повернулся к друзьям: «Крым вы потеряли, Донбасс потеряли, что дальше будет?» Ситуацию спасла сестра — на Ивана прикрикнула, гостей попросила не начинать ссору и говорила долго про свои заботы, про умницу сына, который уже помогает отцу вести бизнес, про погоду и виды на урожай. Гости быстро разошлись.

Тепло тогда Иван попрощался только с племянником. За несколько дней, которые он провел на родине, подросток к нему сильно привязался, сестра на дружбу радовалась, а отцу пацана это не нравилось. Иван ничего особенного не делал, чтобы племянник так к нему прилип. Показывал ему свои любимые места в Карпатах, и в эти долгие прогулки они много говорили. Иван был с парнем откровенным, не отмахивался от его вопросов, серьезно и бережно разбирал его сомнения, с которыми тому просто не к кому было идти. При расставании сказал: «Племяш, будет нужна помощь, звони».

С той поездки прошло уже семь лет. Иван, если его кто-то спрашивал об Украине, отвечал односложно: «Нет ее больше, пропала страна». После быстрой смерти сестры — сгорела в два месяца от рака — Ивана с родиной связывали только редкие телефонные разговоры со взрослым уже племянником. Тот ни разу не попросил помощи, со звонками не докучал — набирал дядьку два-три раза в год, Иван звонил не чаще. Иван знал, что племянник вполне удачно ведет дела, в основном контрабандные, но совсем уж откровенных бандитов сторонится, хотел было заниматься только легальным бизнесом, но «это теперь у нас делать невозможно». В конце каждого разговора Иван напоминал племяннику: понадобится помощь, скажи мне обязательно.

* * *

Похожим образом оказался в России и Коля. Который, в общем-то, никакой не Коля, а Канатбек. На русский имя трудно перевести. С «беком» понятно, бек — это «властитель», «князь», «господин». А «канат» — это и «крылья птицы» и «плавник рыбы», есть и такое значение — «опора».

Его родители, чистокровные киргизы, но из разных мест (отец с севера страны, мать — с юга), когда-то учились в советском вузе на Урале. Женились они в России, побоявшись, что дома родные не одобряют их решение. Родившегося через положенный срок сына записали в метрике Канатбеком, но звали его русским именем Коля.

Вернувшись на родину, семья выбрала для жизни Фрунзе, который уже стал Бишкеком. Потому что столица республики находится примерно посередине между севером и югом: и родственники обоих не могли упрекнуть молодых в том, что кому-то из родных они симпатизируют больше. При первом президенте свободной Киргизии жили, в общем-то, неплохо. Отец приходился президенту дальним родственником, это немного помогало. Коля окончил школу, отучился в местном университете, благополучно откосил от армии. Спросил у отца, помогут ли ему не пойти в армию родственники из клана президента. Помогут, ответил отец, но за деньги.

Деньги для Коли давно перестали быть проблемой: с тринадцати лет он очень неплохо зарабатывал. Бегал нагишом по Чуйской долине по зарослям каннабиса, который там растет с незапамятных времен, и никто его вывести не может — ни перепахиванием полей, ни выжиганием травы пестицидами или огнем. Больше того, наркотическое растение от подобных процедур растет еще веселее. Коля не сам по себе бегал по долине, в компании, конечно, и под прикрытием. Начав курить, оставлял Коля продукт из сказочной долины и для себя.

Вырученные деньги Коля почти целиком отдавал родителям. Перед выпускным классом он приобрел себе роскошный джинсовый костюм.

Под призыв Коля попадал осенью, поэтому без труда набегал в сказочной долине нужную для взятки сумму.

Неизвестно, сколько бы катилась таким привычным образом Колина жизнь и куда в итоге бы докатилась, если бы в Киргизии не начались революции. После первой в 2005 году — революции «тюльпанов» — жить Колиной семье стало значительно хуже

материально и заметно менее безопасно. Но и тут, в новом властном клане, нашлись родственники, уже по линии матери. Совсем, правда, дальние. Как-то притерпелись. А вот через пять лет, после апрельской революции, жить стало отчетливо плохо. Нет, кому-то наверняка лучше, но Колиной семье точно хуже, ведь обе условные группировки, которые принято называть кланами и к которым криво-косо, но принадлежала Колина семья, от власти были уже бесконечно далеки. Родители Коли поняли, что революции в их маленьком государстве в 2010 году не закончились, и вытолкнули единственного сына в Россию. Конечно, на Урал, который был им дорог: «Держись русских, это надежный народ». Оказавшись в столице Среднего Урала, Коля сказал себе: «Большой город Екатеринбург, красивый. Да и не чужой мне, родился я здесь. Можно и остаться. Надо получить русское гражданство». Именно так он и говорил — русское гражданство, а не российское. Когда он через дальнюю родственную связь с первым президентом Киргизии, который после изгнания из президентов осел в Москве, вспомнив, что он ученый, а не политик, Коля получил гражданство России, он и тогда говорил, что он русский гражданин, а не российский.

Жизнь на новой родине понемногу налаживалась, он всерьез раздумывал, не жениться ли ему на большой белой женщине, соседке по дому, в котором он снимал комнату. Они встречались, но Коля предложения так и не делал. Женщина обижалась, не понимая, что Коля стесняется говорить о браке. Он гол как сокол, идти, как говорят у русских, в примаки не позволяет гордость кочевника. Чтобы побыстрее подняться, Коля продумывал логистику доставки товара из Чуйской долины в Екатеринбург. Он почти все рассчитал, обновил свои старые знакомства в Киргизии, обзавелся новыми в России, но Бог его спас от статьи Уголовного кодекса за наркоту. Или не Бог, а любимая женщина, заглянув в оставленный Колей блокнот со всеми его расчетами. Был большой скандал, слезы, истерика, слова о том, что она любит его таким, какой он есть. Коля был даже рад, что все открылось. Он не сомневался, что его с его «небольшим наркотическим бизнесом» вычислят и прижмут. Не обязательно полиция, вычислят и прижмут серьезные игроки с этого поля. Расчет его был на то, что вычислят не сразу, что он успеет заработать хотя бы на квартиру. В день ссоры и горячего примирения Коля окончательно с вещами, которых у него было на среднего размера чемодан, переселился к любимой женщине. Несколько дней, пока Коля искал более-менее приличную работу, все у них было хорошо. Потом радости становилось все меньше и меньше: работу с приличным содержанием Коля все не находил.

Однажды он увидел объявление о том, что военкомат приглашает на службу по контракту. Так-то кому бы он и нужен в армии? Но Колю, в его двадцать шесть лет и с киргизским дипломом о высшем образовании, взяли: в столице российского либерализма было немного желающих послужить родине, а план у военкомата был. Любимая женщина снова много плакала.

Свой контракт Коля отслужил в Крыму. Осенью 2014 года, когда он туда попал, в части был полный бардак: украинская армия ушла, российская трудно вкатывалась на медленных колесах бюрократических согласований. Коля принял участие в парадах по поводу первой годовщины возвращения Крыма в Россию в Севастополе и Керчи, получил две праздничные медали. Настоящей службы и боевой подготовки было мало, армию Коля помнил по парадом и — особенно — по отношению местных к солдатам русской армии. Люди их зазывали в гости, приносили в часть ягоды и яблоки, благодарили Россию и его тоже без всякого сомнения называли русским. Приезжала к нему в гости и любимая большая белая женщина. Командир части дал Коле три дня отпуска, потом еще три, дал бы еще, да Коля сказал, что не надо. Они опять поругались. Потому что Коля проговорился невесте, что к ним в часть приезжал человек из частной военной компании, звал к себе дембелей.

- И что? — встревожилась женщина.
- Ты не волнуйся, что ты! Мне еще два месяца по армейскому контракту служить.
- А потом?
- Что потом? Потом видно будет.
- Нет, ты мне скажи, что ты собираешься делать?
- Я так далеко не заглядываю, — обиделся Коля на требовательный тон женщины. На самом деле заглядывал. Купец из ЧВК рассказал, что компания работает в Сирии, Африке, кажется, даже в Латинской Америке, в Венесуэле, что ли, Коля точно не запомнил, потому что буквально ошалел от тех денег, которые можно заработать. Да и мир посмотреть. А то, что можно с таким же успехом заработать деревянный мундир, Коля не думал. Да и зачем смерти бояться — это же решение всех жизненных проблем.

* * *

Денис — белорус, и не Денис вовсе, а Дзянис — талантливый айтишник из Полоцка. До встречи с Иваном и Колей никуда из своего Полоцка дальше Минска не выезжал, да и в Минск бы не поехал, если бы не армия. Служил в роте информационных технологий при Военной академии, не служба, а резкое повышение профессиональной квалификации за государственный счет. В роте всего шестьдесят человек, которых отбирают со всей Белоруссии, попадают туда уже опытные специалисты, с образованием и уровнем не ниже middle. За двенадцать месяцев Дзянис стал крутым спецом. Иван с Колей нашли его по объявлению. Они болтались в альпинистских беседках, выполняя мелкий ремонт на первом белорусском небоскребе — тридцатичетырехэтажном «Парусе» в Минске, когда Коля предложил перестать заниматься тупо промышленным альпинизмом, а принять в компанию спеца, с которым они будут, к примеру, не просто монтировать вышки связи, но заниматься и всей начинкой.

— Ты помнишь, сколько получили компьютерщики за монтаж своего оборудования на нашей вышке в Пензе?

— Тебе, Коля, деньгами, может, помочь?

— Иван, я серьезно говорю!

— Давай попробуем. Весь заказ брать выгоднее, чем только строительно-монтажные работы.

На их заявку откликнулись несколько человек. Они выбрали Дениса, которого портила одна только черта: был он куркуль, все в дом, все в семью. Но от жадности друзья его почти отучили, а спец же он был не только первоклассный, но и лицензированный.

Однако вернемся на перрон станции Рига-Пассажи́рская.

Купание в осенней Даугаве

— Это залет, Дзянис, — сказал Коля. Белорусским именем друга называли его, когда были недовольны какими-то его действиями или словами.

— За-алет, — сокрушенно согласился Денис. — Виноват, готов понести наказание. — Денис не стал искать себе оправданий, вид имел настолько виноватый, что старшие товарищи не стали его воспитывать дальше, но совсем без наказания — это неправильно, поэтому Коля произнес:

— Наказание будет тебе суровое — ты один платишь за завтрак всех нас.

— Я есть не хочу, — кажется, не соврал Денис.

— Я тоже есть не хочу, — ответил Коля и обратился к Ивану: — Ты что будешь — пиво или шампанское?

— Пожалуй, ничего пока. Надо найти хирурга, неудобно к нему с запахом идти.
 — А-а-а, извини, забыл, — по-настоящему застыдился Коля. — Тогда и я не буду, повезло тебе, Денис. Или что-нибудь съедим, Вань?
 — Это вы сами смотрите, я не хочу.
 — Так, а что делать-то будем, рано ведь еще, доктора только проснулись.
 — В себя бы как-то прийти. Голова трещит, нельзя ее как-то поправить, без алкоголя? — Денис вспомнил про дом, жену, и ему захотелось каким-нибудь чудом избавиться от жестокого похмелья.

Коля посмотрел на него как на ребенка — с интересом и жалостью:

— Есть способ экстренной помощи, ты вроде должен его выдержать.

Денис радостно кивнул и тут же сморщился от тупой боли в затылке и молоточков в висках.

— Иван, в городе есть река?

— Даугава. Но я, пожалуй, не полезу.

— Тебе не надо! А вот Дениса выкупаем, вернем румянец на его молодые щеки! Иван, веди нас к реке, мы быстро освежимся и больничку поищем.

Денис верил и не верил, что они будут купаться в холодной осенней реке. Смотрел на невысокого и худого Колю и думал: «Пусть первый в воду лезет, если он сможет, то я точно должен выдержать». Денис был заметно выше и крупнее Коли, имел некоторый запас подкожного жира.

На берегу Коля как будто немного задумался. Лезть в воду в конце октября совсем не хотелось. Он заметил улыбку Ивана: «Слабо?», взглянул на Дениса, которого потряхивала похмельная дрожь, и начал решительно раздеваться. Денис медлил.

— Что, бульбаш, не пойдешь? Ну, я один! — Коля полез в воду.

— Подожди, я сейчас! — Денис быстро разделся, но идти в воду не решался, явно тянул время. Он вдруг заметил татуировку на левом предплечье Коли. Удивительно, они второй год мотались по командировкам, бывало, что и жили все вместе в одном номере, но Денис не заметил одинаковых татуировок на левых предплечьях Ивана и Коли. Они не выставляли их напоказ, но и специально не прятали.

— Какая странная у тебя татуха! Дай внимательнее посмотреть. — Денис сделал шаг к Коле, ноги его поехали на скользкой между водой и твердью кромке, он бы упал, но Коля подхватил его за руку и повел за собой в воду. Парни поойкали, помастерились, пошумели и поплыли...

Татуировки у Ивана и Коли были странные только для постороннего глаза. Никто из чужих не мог понять, что же собирался наколоть мастер, его работа остановилась так рано, что и догадок никаких не рождается. Иван вспомнил, как Коля приставал к ним с Сергеем сделать ему такой же рисунок, как у них.

— Коля, это особенная татуировка. Это — флажок нашего отряда, армейского, — говорил ему Иван. Это был действительно флажок, не флаг. Немного пестрая тряпица, почти повисшая, как бывает в безветренную погоду. Если бы было древко, можно было догадаться, что это флажок, но древка не было, так было задумано. Спецназовец мог просто отвечать на любопытство непосвященного, мол, неудачная татуировка.

— Ты же не был там, где были мы, — толковал Сергей.

— Но сейчас-то я с вами! И делаю то же, что и вы! — упорствовал Коля.

— Ну что с ним делать?

— Посмотрим на его поведение, там решим.

...Парни привыкли к воде и поплыли на середину Даугавы. Иван старался, не отвлекаясь, следить за ними. Река в городе широкая, метров семьсот, отмелей нет, выдохнешься или случится судорога — до спасительного берега надо еще доплыть. Иван хотел

даже крикнуть, чтобы поворачивали назад, но от больной ноги в голову ударила такая стрела, что он на секунды отключился. Пришел в себя, присел на скамейку, едва отыскал головы купальщиков. «Что у меня с глазами? Я их почти не вижу». Иван не сразу понял, что на Ригу падает первый снег. Свистнул парням, те обернулись, помахали руками, мол, у нас все в порядке. Иван подавался вперед, шурил глаза от снега, старался не упускать парней из виду: «Один, второй, один, второй». А в памятиплыли картины недавнего прошлого, которое разбудил вопрос Дениса про татуировку.

В поле они работали по классической схеме: снайпер, наблюдатель, который мог взять на себя обязанности снайпера, и бойцы поддержки, их было обычно трое. Главная задача бойцов — защита снайпера и наблюдателя. В городах работали чаще всего тройкой, с одним только бойцом поддержки. Сергей был наблюдателем, Ивана ему ни разу не пришлось заменить. В отряде их группу называли везунчиками. Но рано или поздно везение заканчивается. При первом освобождении Пальмиры в один из дней марта 2016 года Иван с Сергеем потеряли всех бойцов поддержки. Новых бойцов пришлось выбирать из «мяса» — мало готовых к настоящим боям новоприбывших контрактников. Выбирать, натаскивать, учить-опекать. Одним из новичков оказался Коля. С выбором друга не ошиблись, Коля вот только начал быстро приставать с татуировкой. Долго отказывали. Но однажды Коля подготовил защитные ловушки там, где они, казалось, не нужны. А растяжки спасли группе жизнь. Потом интуиция кочевника еще не раз выручала группу. Иван с Сергеем объяснили шепотом всем своим павшим товарищам, что Канатбек достоин быть принятым в отряд, набили ему в две иголки флажок на руке. Коля был горд.

«Один, второй, один, второй». В попытках не смотреть последнюю серию отснятого судьбой сирийского сериала Иван начал опять пересчитывать головы осенних купальщиков. Иван зажмурил левый глаз: «Один, второй, один, второй». Вдруг он уловил знакомую легкую боль в районе надбровной дуги. Он так и не избавился от привычки плотно прижимать к глазам бинокль или прицел винтовки. При выстреле, когда приклад уперт в плечо, голова естественным образом отходит чуть назад от оптики, спасая тем самым глаз от отдачи. Он легко научился целиться, не закрывая левого глаза, а избавляться от привычки прижиматься вплотную к прицелу при наблюдении не считал обязательным. «Один, второй, один, второй. Один, второй, третий. Третий?! Кто это? Серега?!» Иван четко увидел лицо Сергея, его глаза. Большие, выразительные, всегда чуть нездешние глаза. «Нездешние, говоришь?» — переспросил однажды Сергей Ивана. «Да, нездешние. Сам ты стоишь — вот он, а глаза твои как пустые, значит, душа твоя не здесь». Сергей тогда отшутился: «Ты в такие минуты, Иван, когда я не здесь, приглядывай за мной. По лбу щелкни или подзатыльник отвесь, чтобы я вернулся». А может, и не шутил он тогда вовсе...

Иван начал постукивать по опухоли на ноге, мозг принялись разрывать молнии боли, кино про войну прервалось.

Коля с Денисом выбрались из холодной воды очень бодрыми, возбужденными, довольными собой. Увидев раскачивающегося и слегка постанывающего Ивана, быстро и почти без разговоров собрались, быстро поймали такси. С таксистом повезло: пожилой латыш с удовольствием говорил на русском, на просьбу довезти до ближайшего хирурга сказал, что довезет их до лучшего хирурга, пусть он живет немного подальше, чем ближайший, но сделает все на высшем уровне и возьмет справедливую цену.

— Вы проводите меня к врачу, — сказал Иван таксисту, а парням предложил не торчать рядом с ним, пошутил: — Вдруг я закричу или заплачу. Вы лучше обменник поищите.

Таксист уточнил, какую валюту надо обменять, и помог гостям Риги еще раз: отвез Колю и Дениса к менялам, которые «дают справедливую цену».

Хирург выслушал короткий рассказ Ивана, сделал снимок и приступил к делу. После второго укола местного наркоза врач потыкал в ногу скальпелем: «Больно?! Хм».

— Доктор, не надо больше уколов, они после вчерашнего застолья почти не действуют. Режьте так.

— То-то я думаю, запах от вас. Что ж, пойдем испытанным путем: я дам вам стаканчик спирта.

Спирт точно помог больному, но немного поскрипеть зубами Ивану все же пришлось — осколок сидел очень глубоко.

— Кажется, это камень, — удивился доктор, разглядывая осколок.

— Ну, все сошлось. Долго же он во мне пролежал. И ведь совсем не беспокоил.

Доктор рассказал что-то про мешочек, который образовался вокруг осколка, про то, что в этом мешочке камень мог лежать сколь угодно долго, но вот отчего-то сдвинулся.

— Возьмите осколок, отмоее его, оставите на память.

— Выбросите его, доктор. Не буду я его мыть. И смотреть на него не хочу.

Как получится...

В третий раз слова про справедливую цену таксист-латыш сказал, когда предложил Денису довести его до Полоцка. Денис жалел денег, собирался ехать на автобусе, но узнав, что на тачке выйдет только чуть дороже, зато заметно быстрее, согласился.

— А до Ужгорода поехал бы? — неожиданно для себя спросил у старого латыша Иван.

— До Ужгорода далеко, — задумался тот. — Полоцк тоже не близко, четыреста километров, но часов за десять-двенадцать я обернусь. А до Ужгорода больше тысячи... Когда надо ехать?

— Да может, и не надо. Это я так спросил.

Таксист видел, какую сумму в евро получили ребята в обмен на свои рубли, и не мог так просто отказать от потенциальных клиентов. Он протянул Ивану свою визитку:

— Надумаете ехать, звоните. Машина у меня новая, надежный «немец».

На том и расстались. Уже сев в такси, Денис напомнил:

— Позвоните мне сразу, как узнаете день отъезда в Братиславу.

— Позвоним, не переживай.

— Нам без тебя там делать нечего.

Друзья какое-то время смотрели на удаляющееся такси. Они немного завидовали Денису, тому, что он едет к себе домой. Ни у Ивана, ни у Коли своего дома нет. Перед армией Иван больше года жил с женщиной из небольшого народа эвенов. Жили страстно. А закончилось все странно — неделю только и тосковал Иван по своей тунгуске. И Колыма, и артель золотоискателей, и необычной красоты женщина — все враз стало воспоминанием как о чем-то далеком, то ли бывшим, то ли и вовсе придуманным. «А ведь у нас мог кто-нибудь родиться, она же была беременной, когда меня призвали, — подумал Иван. — Если она родила, то сколько сейчас ребенку? Двадцать один минус шесть. Пятнадцать лет. — Иван прислушался к себе, нет, не дрогнуло сердце. — Дай вам Бог здоровья и удачи, мои эвены».

А Коля вспомнил, как большая белая женщина прогнала его от себя «навсегда». Ссора и ссора, мало ли они ругались, но ее слова «мы расстаемся навсегда» были сказаны в первый раз.

На обоих враз навалилось равнодушие. Помолчали. Выкурили по сигарете.

— Отобедаем, Иван?

— Пожалуй.

— А потом к заказчику?

— Как получится.

Ресторан в старом городе не понравился. Перебрались в пивной бар, за пивом под немецкие колбаски с тушеной капустой засиделись.

— Иван, а мы договор-то пойдем подписывать?

— Сегодня уже поздно.

Коля повеселел:

— Здесь останемся или куда переберемся?

— Переберемся. В ресторан, где работает Люция.

Наша не пляшет

Иван не стал звонить женщине, загадал наудачу: если Люция сейчас на смене, то... А что именно «то», придумать не смог.

Иван вспомнил, как Люция сразила его, когда он в первый раз оказался у нее дома. В Риге в те июльские дни 2018 года было жарко, даже ночью термометр показывал плюс двадцать три. «Хочешь квасу?» — «Я не люблю заводской квас». — «У меня домашний!» Квас был отменный, Иван не пил такого уже много лет — с тех пор, как ему пришлось бежать из родительского дома.

В ресторане Иван сказал хостесу:

— Если Люция сейчас работает, посадите нас с товарищем за столик, который она обслуживает.

Хостес проводила друзей на балкон, нависавший над общим залом первого этажа.

...Люция со своим шляхетским гонором позволяла себе не следовать служебной инструкции официантки дорогого ресторана. Несколько раз за вечер она присаживалась за столик к Ивану и Коле, позволила себе даже выпить с ними. Директор заведения сначала удивился такому ее поведению, решил было строго наказать или хотя бы выговорить ей свои претензии, но тут же передумал. Люция была лучшим официантом заведения, клиенты, которых она обслуживала, всегда давали хороший чек, при необходимости она легко заменяла хостеса, встречающего гостей, варила кофе не хуже баристы, могла подменить менеджера смены и почти всех других. За исключением кухни — не потому, что не умела готовить, готовила она как раз вкусно, но все делала по-своему, никогда не придерживаясь рецепта. Это хорошо дома, в ресторане лучше не рисковать — найдется какой-нибудь вредный зануда, которому не понравятся объяснения Люции, что соли-перца и всех остальных добавок она кладет, «сколько возьмется».

«Нет, надо наказать! — еще раз подумал директор, когда увидел, как Люция вдруг погладила посетителя по лицу. — Что с ней? Она никогда ничего подобного себе не позволяла. А, это же ее знакомый!» — директор вспомнил, что этот рано поседевший посетитель, с которым так нежно ведет себя его лучшая официантка, два или три года назад часто бывал у них в ресторане. Приходил почти каждый день, а потом вдруг исчез. Видимо, между ними что-то есть. Директор обрадовался, что ему можно и не наказывать подчиненную за нарушение служебной инструкции и корпоративной этики.

«Как хорошо, что он не позвонил мне. Я бы начала волноваться и ждать его, — думала Люция. — Я бы думала, о чем мы с ним будем говорить, а разговора бы все равно никакого не было бы, ведь я на работе, подхожу к нему только на несколько мгновений, о чем тут можно поговорить. Мы понемногу привыкнем друг к другу за вечер. Ну, я к нему привыкну, перестану робеть».

Иван, хоть и выглядел как кум самому польскому королю, на самом деле тоже, к собственному удивлению, долго не мог перебороть взявшуюся в нем откуда-то давно за бытую юношескую робость перед хорошенькой женщиной. Но переборол и шепнул

Люции: «Пшешочка моя, реченька посполитая» — и дунув на прядку, выбившуюся из хвоста черных волос, поцеловал ушко женщины, в которую он, кажется, влюблен!

...Три года назад, когда Иван впервые проснулся у нее дома, он залюбовался тем, как Люция одевается. Ему не хватило сил и терпения досмотреть этот процесс до конца — он вернул ее в постель, целовал ее в глаза, в родинки, разбросанные по всему ее гибкому телу, в шрам на руке... «Она не рассказала, откуда этот шрам. Сегодня я все равно узнаю, откуда он».

Но сегодня Иван не сможет спросить, кто и когда обидел его женщину — оставил достаточно серьезный шрам на тонком локте. Флирт официантки с чужаком, кроме директора, заметили и некоторые посетители ресторана. Среди них был крепкий высокий офицер полиции, которому очень нравилась Люция, за которой он уже долго и совсем безрезультатно ухаживал. Взбешенный увиденным, двухметровый верзила подошел к столику чужих — он в первый раз видел в «своем» ресторане Ивана и Колю.

— Ну-ка подвинься, монгол! — толкнул он Колю.

Коля задохнулся от бешенства, после он не мог объяснить, как ему удалось удерживать себя в руках после такого хамства. Прибалт явно хотел ссоры. Каким-то подлым захватом из-за спины он вдруг придушил Колю и с вызовом упер взгляд в Ивана. Иван смотрел в белесые глаза дурака из местных и пытался сообразить, можно ли избежать драки. «Кажется, нельзя», — понял Иван, расслабился и стал спокойно наблюдать за развитием событий. Иван всегда, когда была такая возможность, с интересом смотрел на то, как Коля дерется. Коля рассказывал, что драться он научился в Чуйской долине. В драке он применял такие приемы, какие используют в джиу-джитсу, боевом самбо, карате и рукопашном бое. Однажды Иван видел, как Коля ловко сломал противнику кисти рук: «Хорошие у тебя были учителя, Коля».

Иван не сомневался, что Коля победит и в этой схватке, было любопытно, каким именно приемом он это сделает. Полицейский-верзила не только не считал Колю серьезным противником, он вообще не имел к нему каких-либо претензий, он ждал, когда за него вступится его товарищ, вот седого-то он с удовольствием побьет. Верзила увидел, что Иван не собирается защищать своего товарища, и немного растерялся, не знал, как быть дальше.

«Монгол» не пытается сопротивляться, его друг не думает вмешиваться — возникла дурацкая пауза. Прибалт пытался сообразить, что ж ему дальше делать. Всего на секунду он ослабил свой захват, и этого хватило Коле. Он сделал обманное движение — будто пытается вырваться из рук своего противника, на самом же деле занял выгодное для ответной атаки положение — заставил верзилу не только повернуться спиной к невысоким перилам балкона, но и почти упереться в них. Иван прекрасно читал ситуацию: «Вмешиваться не придется, это хорошо, пусть нога спокойно заживает». Коля сделал еще одну паузу, дождался, когда противник опять немного расслабитесь и качнулся вместе с ним назад. Полицейский, теряя равновесие, ослабил хватку.

Коля, не поворачиваясь к противнику, ударил его правой рукой, чуть более свободной, в пах и мгновенно выкинул кулак вверх. Верзила, получив в пах, крикнул, начал складываться вперед и встретился с взлетевшим кулаком «монгола», который угодил ему в очень болезненное место — точно под нос. Офицер отшатнулся назад и вдруг полетел с балкона вниз, на столики первого этажа. Полетел не только потому, что резко качнулся назад, а больше потому, что Коля, вдруг присев, быстрым движением обхватил его ноги и едва заметно дернул их вверх, упираясь при этом плечом в живот верзилы.

Латыш сильно ушибся, но в ярости не обращал на это никакого внимания. Он громко объявил, что он капитан полиции, и приказал всем оставаться на своих местах. После этого вызвал себе помощь.

Будь Иван здоров, он и по лестнице успел бы убежать через служебный вход. Да что по лестнице, он и с балкона запросто еще спрыгнул. Но прооперированная нога лишила его резвости.

— Коля, уходи. Я не при делах, в драке не участвовал, меня быстро отпустят.

— Нет, Иван, не уйду. Ты как раз при делах. Он же тебя провоцировал на драку, из-за этой твоей замечательной польки. Ты этого не заметил, а я весь вечер смотрел, как он злится. Не уйду.

Экипажи подъехали быстро, два патруля сразу — центр города все же. Если бы они просто, ну хотя бы без оскорблений, пригласили друзей проследовать в участок, скорее всего, ничего бы и не было. Но полицейские хамили, начали крутить руки. Хамство парни стерпели, даже почти и не отвечали на него, а вот когда их стали хватать за руки и пытаться заломить их за спину, тут у товарищей заработали условные рефлексы. Иван только раз ударил сознательно, в смысле отдавая себе отчет в том, что он делает. Дальше он, как и Коля, который потерял контроль над собой сразу, работал автоматически.

Директор ресторана был в шоке, глядя, как крошится мебель его заведения — тела полицейских падали и ломали столы, стойку буфета, диваны и дорогие модные стулья. А еще побитая посуда, дорогой алкоголь в баре, приготовленные блюда. Визжали публика и официанты, хостес впала в растерянность — надо ли вызывать полицию, если она уже здесь и положение дел от ее присутствия на месте происшествия становится все хуже и хуже. И только Люция наблюдала за происходящим с восторгом и гордостью за Ивана и его товарища. Она любовалась на своего мужчину.

Когда зазвенели стекла и зеркала, директор наконец оправился от шока. Он вклинился в секундную передышку драки:

— Уважаемые гости нашего ресторана, мужики!! Сдайтесь полиции. Мы всем коллективом засвидетельствуем, что вы ни в чем не виноваты, вы только защищались от беззакония полиции. Ребята, вы мне ничего не должны за мебель и посуду, но это такие убытки. Прошу вас, сдайтесь властям.

Вряд ли на друзей подействовали слова директора. Прекратить драку пришлось потому, что, получив чувствительных оплеух по чести и пинков под форменный зад, полицейские достали оружие. «Выстрелят, — увидел Иван по их лицам. — В своих, может, и не стали бы стрелять, а вот нас жалеть не будут». Иван нашел глазами Люцию, улыбнулся ей, сказал Коле:

— Наша не пляшет. Сдаемся.

Любовь не с первого взгляда

Сначала Иван, а глядя на него, и Коля вытянули руки навстречу наручникам. Коля понял хитрость товарища: мы сдаемся, вот вам наши руки. И хитрость почти сработала, сержанты почти защелкнули браслеты, когда капитан, зачинщик скандала, сообразил: «Нет! Руки за спину!» Коля глянул на Ивана, смешно поджав губы: «Раскусили наш фокус». Иван мигнул в ответ: «Ерунда!» И Коля вспомнил, как Иван когда-то научил его неизвестно для чего, казалось ему тогда, выпрыгивать из петли сцепленных за спиной рук. Делать это нужно было аккуратно, чтобы еще туже не защелкнулись наручники. Когда руки, пусть и скованные, но впереди, не за спиной, можно уже очень даже хорошо работать ногами. «Как же Иван с Серегой надо мной издевались, когда учили драться со связанными руками. А еще учили освобождаться от наручников. Как же больно было их снимать без ключа — это мало у кого получается. Серега мог, я у него научился, а вот Иван даже и не пытался это делать. Неужели и эта наука наконец-то пригодится?»

В отделении полиции их втолкнули в одну камеру. Коля успел выставить ногу в дверной проход, не давая закрыть дверь:

— Наручники снимите с нас!

— Нет. Убери ногу.

— Вы что, нас до утра в браслетах держать будете?!

— Почему до утра? Пока капитан не придет, он приказал оставить вас так. Убери ногу! — сержант взмахнул дубинкой и со всей силы опустил ее на то место, где мгновение назад была Колина нога.

Лежать со скованными за спиной руками было неудобно.

— Давай снимем их к черту! — сказал Коля и начал было заводить закованные руки под ягодицы.

— Нет. Рано. В глазок вся камера просматривается, не надо им раньше времени наши козыри показывать. Наручники не сняли, значит, собираются нас прессовать. Надо, чтобы они расслабились. Сделаем так. Если будут вызывать по одному, не выходим. Сюда к нам они ломанутся толпой, по одному побоятся. Дождемся, когда их зайдет по максимуму, и начинаем работать. За дверью, чтобы не успели захлопнуть, следить буду я, ты сильно увлекаешься в рукопашке, забудешь. Отрабатываем гостей, выходим и ориентируемся на месте. Надо документы забрать, телефоны, деньги.

— Да, хотя бы документы. Ты видел, куда их дежурный бросил?

— В ящик своего стола.

— Все в одном месте, удобно.

Капитана латышской полиции не было очень долго. Друзья все же применили свои навыки — вывернули руки под колени, так хоть сидеть было можно. Дежурный к ним не заглядывал, задержанные ведут себя тихо, чего лишний раз тревожиться. Коля тихонько дремал, потом и вовсе крепко заснул. Ивана сильно беспокоила потревоженная в драке прооперированная утром нога. Иван думал о Люции.

«Она живая и остроумная. Красивая? — в первый раз спросил себя Иван. — Пожалуй. Пропорции правильные, стройная, на шпильках даже и высокая. Нос немного длинноват, но что нос, когда у нее такие глаза! Особенно когда она смеется. Когда Люция смеется, глаза ее почти закрыты, а за ресницами пляшут искры. Она хороша всегда: и в длинном платье, и в шортах с футболкой, и без одежды. А какие у нее руки! Узкая ладонь, длинные пальцы и ногти, которые от природы выглядят так, словно за ними долго ухаживали. А как она умеет радоваться жизни! Я никогда не встречал человека, ни мужчину, ни женщину, который бы умел так радоваться жизни. Радоваться — одинаково радоваться! — дорогому подарку и солнышку нового дня, поездке на море и цветам с городской клумбы. И готовить умеет. Мы познакомились три года назад, прожили вместе — сколько же я тогда прожил у нее? Месяц? Да, почти месяц, я даже про племянника забыл, а ведь собирался заглянуть домой, когда сел в Москве в поезд. Почему до меня только сегодня дошло, что она мне дорога? Я бы хотел с ней жить. Я ее просто люблю! Да я же сразу в нее влюбился, почему я об этом подумал только сейчас? Почему? Почему я про нее почти не вспоминал?»

Все, в общем-то, просто, понял Иван. «Все просто и ясно. Люция появилась в моей жизни тогда, когда моя душа была придавлена. Коля после Сирии поехал к своей большой белой женщине, а я поехал туда, куда отправлялся ближайший поезд, поезд был Москва—Рига.

Вёдро

Иван передвинулся ближе к маленькому окну, заглянул в ночное уже небо. Увидел молодой месяц: «Вёдро».

Это смешное слово Иван услышал от Сереги, когда они пилились в ночное сирийское небо накануне последнего в этом контракте рейда. «Как-как?» — «Вёдро. Так бабушка моя говорила, когда я в детстве гостил у нее на Алтае». — «Почему вёдро-то?» — «И я у нее так спросил. Она посмеялась и говорит: видишь, как нижний кончик у месяца наверх загнут? На него ведро можно повесить, и оно не упадет. Потому и говорят так. Вёдро — это к хорошей погоде».

Так острый конец луны пропорол упаковку воспоминаний, тех, которые Иван старался держать в самых дальних подвалах подсознания. «Правильно ли я поступил тогда, в тот роковой день? Все эти годы после возвращения с войны я старался не думать — я спас своего друга или убил?»

Память о том событии прорывалась к нему вчера, когда Коля сказал про Серегу, который бы запросто вылечил ему ногу. Прорывалась сегодня на берегу Даугавы, когда он увидел Серегу в мнимом прицеле снайперской винтовки. Больше Иван не мог сопротивляться воспоминаниям.

В таком же темном часу ночи, как сейчас, случился у Ивана последний разговор с Серегой. Серега был астроном и романтик. Несколько раз он рассказал про карту небосвода, но твердо Иван мог найти на небе только Большую Медведицу, иногда удавалось найти еще ее меньшую сестру.

— Если не уснем до утра, увидим, какой круг делает Большая Медведица по небу. Заметь, — толковал Серега, — сейчас ковш Медведицы только начал опрокидываться, но вода, если представить ковш наполненным водой, уже начала из него выливаться. Потом она выльется вся, мне в этот момент становится грустно, как будто из Медведицы ушла жизнь. И я каждый раз пытаюсь дождаться, когда Медведица повернется ко мне счастливой стороной, когда ее ковш опять начнет наполняться. И тогда грусть отступает.

Иван незаметно улыбнулся:

— Блокнот, который ты никому не показываешь, там стихи?

— Стихи. Тебе смешно?

— Нет. Вдруг ты и поэт такой же стоящий, как солдат?

— Не знаю.

Они помолчали.

— Сколько мы уже дома должны были быть, Иван?

— Да уж три месяца лишних мы здесь. Столько «мяса» спасли.

— Иван!

— Что?

— Ты загадываешь, сколько проживешь?

— Нет. Никогда об этом не думал.

— И сейчас не думаешь?

— И сейчас не думаю.

— Вот как. А я думаю. Хочу прожить до восьмидесяти пяти, но это чтобы в уме и при силе.

— Хм. Что-то не могу представить тебя старым, Серега. Да и себя тоже не могу. Да и зачем так далеко заглядывать. Сейчас главное — последний рейд пережить.

Теперь они замолчали надолго.

— Иван...

— Я здесь, Серега.

— Ты помнишь наш уговор?

— Помню, Серега.

— Если придется — сделай. Слышишь, обязательно сделай.

— Не придется, Серега, ты ж до восьмидесяти пяти лет жить будешь!

- И все-таки, Иван. Если придется, не сомневайся.
- Что с тобой, Серега? Ты что, умирать собрался? Выбрось эти мысли из головы.
- Выбрось... Что-то не получается у меня это сделать сегодня. Всегда получалось.

А сегодня почему-то нет...

Сергей поднялся, отошел к костру, достал свой блокнот, который он никогда никому не показывал, начал что-то записывать. Быстро, на одном дыхании записал, недолго посмотрел остановившимся взглядом в темноту чужой страны, вздохнул так, как вздыхает, набирая полную грудь воздуха, человек, когда решил сказать что-то очень важное. Но не сказал.

- Может, считаешь свои стихи, Серега?
- А считаю! Обязательно считаю. Вот вернемся на Родину, сядем за стол — тогда, — и вдруг еще раз напомнил: — Но пока не вернулись, помни наш уговор.

Уговор

Они знали, что делают враги с нашими пленными. Зверство чехов на Кавказе, зверство «бармалеев» в Африке. Сирийские «бармалеи» ничем не отличались от африканских. Многие из наших носили гранату «для себя», плена боялись все. Однажды, когда узнали об очередном издевательстве над пленными, Сергей попросил Ивана:

— Если меня вдруг возьмут и я не успею ничего сделать, а ты это увидишь, избавь меня от мучений.

— Да ты что, Серега! Брось!

— Нет, Иван. Не брошу. Я боюсь не выдержать. А если меня сломают, это буду ведь уже не я, а кто-то другой, которого я бы и сам убил. Слышишь, не пожалей убить. Ради нашей дружбы.

— Он правильно говорит, Иван, — вмешался в разговор Коля, который был рядом и все слышал. — Я знаю, как в Азии умеют наказывать. Люди смерти просят, а их оставляют жить и издеваются дальше. Я, Иван, тоже прошу тебя об этом. Есть у меня граната для себя, а если меня контузят и я ничего не буду соображать... По рукам, Иван?

Иван помолчал, взглянул каждому в глаза:

— По рукам. И буду молиться, чтобы мне не пришлось этого делать. А плен... Думаете, я не боюсь плена? Я ведь знаю, что это такое.

— Ты не рассказывал... — в голосе Сереги явно прозвучали удивление и едва слышной ноткой обида.

— Так ведь и ты мне не все рассказал о своей жизни после армии.

В Бердской бригаде спецназа ГРУ они были близкими друзьями. Им нравилась служба. Призванные осенью 2006 года, в последний призыв, когда забирали в армию на два года, они совсем не завидовали первым полуторогодичникам, которые пришли в часть следующей весной.

А когда узнали от Канатбека, что тот служил и вовсе только год, прямо его жалели: «Вы не то что воевать не научились, вы и испугаться-то толком не успели».

После службы пути Ивана и Сергея надолго разошлись.

Иван не захотел возвращаться в Магадан. Там холодно, женщину, почти жену, он совсем забыл, а денег стало можно заработать и побольше, чем на Кольме, в жарких странах. По контракту с одной из первых в стране ЧВК, который он не раз продлевал, Иван охранял торговые суда в Индийском океане и в Атлантике у берегов Африки. Дела у компании шли то хорошо, то плохо — опыта организации такого труда в стране еще не было, а законы прямо запрещали подобные «войска». Но в Сирию он попал уже со вполне приличной ЧВК.

А москвич Сергей вернулся домой, с третьей попытки поступил в Литературный институт, прочился почти три курса, даже и несколько своих коротких рассказов и пару стихов опубликовал в толстом журнале. Но доучиваться не стал. Он бы дотерпел окружение — жеманных или прямо ломанных неудачными отношениями девиц и таких же ненастоящих манерных юношей, которые едва ли не с первой рюмки начинали доказывать всем свою гениальность. Дотерпел бы. Но вдруг узнал, что в журнале его напечатали больше по просьбе учителя, который имел знакомства в редакции. Учитель пытался объяснить, что просто такие правила, что без протекции никуда, будь ты хоть вторым Пушкиным. «Я не второй, я — первый. И идите вы все к черту с вашими дипломами, с вашими журналами и вашими критиками». А тут еще любимая, уже названная невестой, вдруг ему открылось, оказалась из такой же современной молодежи — с непомерными амбициями и болезненной жадой признания.

Сергей отправился в военкомат с желанием подписать контракт и отправиться туда, где погорячее. Дежурный офицер выслушал его просьбу, узнал про подготовку в спецназе и сказал: «А ты уверен, что тебе нужна армия? Сейчас появились приличные ЧВК. Там нет нашей армейской бюрократии, да и заработки побольше».

Иван и Серега снова встретились осенью 2015 года в Сирии. Попытались было вспомнить хотя бы из самого яркого, что было на службе по призыву, но тогда они воевали понарошку, командировки на Северный Кавказ обошлись почти без выстрелов. Теперь же война была настоящая. И с воспоминаниями как-то не заладилось. Они даже как бы и заново познакомились, заново сдружились.

— Мне, Иван, и рассказывать-то почти нечего. Ну, учился. Ну, чуть не женился. Запил от скуки, от водки чуть не умер. Прокапался, пришел в себя и ушел на войну. Пришел, гляжу — тут ты. Хорошо!

Иван посмотрел на товарищей, посмеялся на себя — заикнулся, так рассказывай.

— В 2011 году надоело мне по морям болтаться. А тут война в Ливии началась. Ну, я туда и попросился. Встретили меня в пустыне хорошо — в первом же бою в плен взяли. Мне повезло, меня даже и не били толком, даже когда узнали, что я снайпер. Торопились они, наши нам на выручку выступили. «Бармалеи» только офицера с собой потащили, нас просто расстреляли. Бог меня тогда уберег, пуля над сердцем прошла. Навылет. Арабы или кто они там, в этой Ливии, наспех засыпали братскую могилу. Я после расстрела на бок упал, так и лежал, будто мертвый. Дождался, когда макушку присыпят, и начал потихоньку на живот переворачиваться. Руки к лицу подтягивал. Голову старался приподнятой держать, чтоб хоть немного воздуху оставалось. Потом, когда от песка тяжело стало, уже посмелее ладони к лицу придвинул, вот так, колодцем. На локтях приподнялся. Лежал, пока дышать было чем. Потом начал выворачиваться наверх. Выбрался на воздух, тут силы и кончились, отключился и остался там лежать. Через несколько часов наши подобрали.

Так что, друзья мои, товарищи, в меня стрелять не надо, если я в плен попаду. Я буду до последнего бороться за свою жизнь. Вы на меня не обижайтесь, пацаны, я не в упрек вам это сказал. У вас свой выбор, у меня свой.

— Ты тогда поседел, Иван? — спросил Серега.

— Ну не такой уж я и седой.

Возникла неловкая пауза, заполнить ее заторопился Коля:

— И вправду никакой ты не седой, Ваня. А так — пегий.

Коля слегка взъерошил волосы на голове Ивана.

— Да, не седой, — окончательно вывел Коля, у которого от азиатской породы были густые и толстые черные волосы. В основном на голове, усики росли узкой поло-

ской, а бороду и вовсе быстрее можно было выщипать, чем побрить. И вдруг добавил: — Поседеешь из-за наших дел.

— Про наши дела лучше никому не рассказывать, — тихо произнес Иван.

— «Рассказывать»! Хорошо бы не обо всем помнить, Иван.

«Сергея это сказал: „Хорошо бы не обо всем помнить“, Сергей, — вспоминал сейчас, в камере рижского отделения полиции, Иван. — Но как же это забыть?»

...Возвращались из последнего рейда. Последнего, скоро в Россию, там попьем, отдохнем и решим, подписываем следующий контракт с этой замечательной конторой нерегулярных войск или хватит уже воевать. Конечно, замечательная контора — экскурсии по всему миру, деньги хорошие платят, премии. Работа, правда, не самая легкая, можно даже сказать, на любителя. Не все выдерживают, не всякий с этой работы домой возвращается.

Дело тогда, в последнем рейде, сделали хорошо, легко даже. Это-то именно и тревожило поначалу. Слишком хорошо тоже нехорошо. Но потом успокоились, база уже рядом, «бармалеи» к ней давно близко не подходят.

Но на этот раз подошли.

Группа растянулась, разбилась на две неравные части. Дубовый лес здесь был не только особенно густым, еще полно было кустарниковых дубков и можжевельника — хорошее место для засады. Сергей за чем-то оказался в отставшей, совсем небольшой группе. Иван его пару раз вызывал по рации, тот в первый раз отмахнулся какой-то дурацкой шуткой, а на второй вызов просто не откликнулся. «Поэты — это невыросшие дети», — вспомнил Иван слышанную когда-то фразу.

«Бармалеи» взяли отставших в ножи, никто и выстрелить не успел, разведчики, черт побери. Но один, с перерезанным от уха до уха горлом, прохрипел — пробулкнул что-то в микрофон. Первая группа рассредоточилась, старший скомандовал: «Наблюдаем!» Но Иван кинулся назад, Коля за ним. Трое лежали на животе, двухсотые, один, который прохрипел в микрофон, на спине, Иван видел, как он дернулся последней судорогой. Иван и по спинам понял, что Сергея здесь нет, а Коля заглянул в лицо каждому. Головы убитых с перерезанными шеями легко поворачивались. «Бармалеи» взяли с собой одного из наших, Сергею.

«Бармалеи» могли уйти в любую сторону, в какую именно, гадать бесполезно. В такие моменты надо отключать сознание и выполнять команды остальных частей мозга и самой ноосферы. Иван наработал это опытом, Коле помогали стоявшие за его спиной поколения кочевников.

— Уйдут, Иван!

— Не уйдут. Забираем выше!

«Бармалеи» уходят к своим, поднимемся выше, обзор будет получше, мелькнуло у Ивана в голове. Через несколько минут бешеного бега Иван скомандовал:

— Стой, Коля. Выше уже незачем. Наблюдаем.

Наблюдать — может, самая главная задача снайпера. Наблюдать, отыскивать и уничтожать наиболее важные цели. Сейчас такой целью для Ивана был не офицер противника, не пулеметчик, не такой же, как он, снайпер, а давний боевой товарищ Сергей. Зрение до предела обострено — ну где колыхнется трава или ветка, в каком месте блеснет на оружии солнечный луч? Чуйка Ивана не подвела. Да и местность он знал хорошо, понимал, как именно должны уходить «бармалеи».

— Вон они! — крикнул Коля.

— Увидел наконец, — спокойно ответил ему Иван.

— А ты чего не стреляешь?

Иван только скрипнул зубами и до боли прижался к прицелу. Он мог уже дважды выстрелить, но медлил. Сергей был без бронжилета и сферы. «Неужели сам ухитрился

сбросить, чтобы мне было легче уговор выполнить?!» В эти секунды Иван не знал, сможет ли выстрелить в друга, но ситуация оставалась у него под полным контролем: до вершины холма, за которым вот-вот скроются «бармалеи» с пленным русским, есть еще несколько мгновений. «Бармалеи» бы с ходу перевалили за холм — там уже можно спокойно перевести дыхание, но Серега остановился, повернулся и посмотрел прямо на Ивана, Иван даже вздрогнул. «Он не может видеть меня, просто как опытный разведчик предположил, где я должен оказаться, если вовремя бросился в погоню». Серега смотрел в сторону Ивана и кивал, один раз, второй, как будто говорил: «Ну! Что же ты медлишь?!» В оптику Иван хорошо видел своего друга. Когда Серега кивнул в третий раз, Иван выстрелил.

Выстрел был точным. Иван видел, как старший из «бармалеев», когда другие беспорядочно стреляли по сторонам, нагнулся к пленному, приложил пальцы к шее, проверяя пульс. Иван видел, как старший хотел было сделать контрольный выстрел, но зачем стрелять в мертвого?

Иван с Колей вдвоем принесли тело товарища на базу. Вдвоем сопровождали гроб до родины Сереги. На расспросы родных отвечал что-то Коля, а к мрачному Ивану те и не обращались. В эти дни, когда везли гроб, когда слушали слезы матери на свежей могиле, Иван окончательно поседел. За поминальным столом Иван отдал матери Сергея записную книжку сына. Он так и не заглянул в нее, потому что собирался оставить ее себе, думал потом, когда боль поутихнет, посмотреть, что же в нее записывал Серега. А за столом подумал: «Этот блокнот — самое дорогое, что было у друга, пусть родные читают и решают, что делать со стихами — похоронить их в фамильном архиве или показать тому, кто в этом деле понимает».

Долгий отпуск

Из Сирии Иван с Колей вернулись в 2018-м. В канцелярии ЧВК сказали, что уходят в продолжительный отпуск. В ответ услышали: «Ваше право, мужики. Но знайте — мы вас всегда ждем!»

И вот уже три года Иван с Колей занимают жизнь работой промышленными альпинистами, иногда при хороших заказах набирают помощников, монтируют вышки связи, однажды собрали даже элеватор в богатом белорусском совхозе. С приходом Дениса берутся и за хорошо оплачиваемые заказы по монтажу самых мудреных систем слежения. Цыганская эта жизнь с постоянными командировками не то чтобы начала надоедать Ивану, но спросил он себя сейчас, в камере рижской полиции, сколько еще будет продолжаться этот длительный отпуск. Или это уже не отпуск, а обычная жизнь, и на войну я больше не вернусь? Если не вернусь, надо окончательно обустроить свою жизнь. В тридцать семь лет это еще совсем не поздно. И опять пришла в голову мысль: почему я об этом задумался именно сейчас? И уже с окончательной ясностью ответил себе: потому что я перестал мучить себя вопросом о Сереге — убил я его или спас от мучений? Ответ на этот вопрос я никогда не найду, в жизни случаются вопросы, на которые нет единственного и верного ответа. С ними нужно просто жить.

Надо съездить к Сергею на могилу. Теперь я это уже могу сделать. Уже не буду виниться у его креста, не буду задавать себе вопросов, на которые нет ответов. Сделанного не воротишь, хватит сомневаться и казнить. Мать его поддержать надо! Как же мне это в голову не приходило? Помочь чем, денег оставить, просто побыть с ней рядом.

От принятого решения Ивану стало легко на душе.

— Вань, у нас курить есть?

— А, выпался? Есть.

— Давай, наконец, снимем наручники, что мы, как дураки, в них до сих пор сидим!

— Снимай, а потом мне поможешь.

Коля, не вставая с лавки, подтянул сцепленные за спиной руки к пяткам и без видимого труда переступил сначала одной, потом второй ногой через наручники. Иван этот трюк тоже всегда проделывал с легкостью, но сегодня не получилось: прооперированная утром нога плохо сгибалась в колене.

— Сейчас, подожди немного, я тебе помогу, — заметил его неудачу Коля. Вытянув перед собой руки, он аккуратно, чтобы не затянуть замки, размял кисти и, помогая, насколько это было возможно, пальцами правой руки, выщелкнул из суставов большой и указательный пальцы на левой руке, вытянул кисть с изуродованными пальцами из кольца наручников. Немного сморщившись от боли, вернул на место вывернутые пальцы, чуть отдохнул и проделал такой же фокус с правой рукой. Так Иван никогда не мог делать: при неожиданно тонких запястьях кисти его рук были широкими, выверни он хоть все свои пальцы, через кольцо рука все равно не проскочит.

— Вон гвоздик, его можно руками выдернуть, — кивнул Иван куда-то на дверной косяк.

— Гвоздик, говоришь, — бурчал себе под нос Коля, рассматривая наручники Ивана. — Нет, Иван. Твои браслеты гвоздиком или булавкой не открыть, тут без ключа никак.

Иван вздохнул:

— Ладно, так дождусь свободы. В наручниках. Ну ты сигареты-то доставай!

— Где они у тебя?

— За пазухой, в районе живота.

— Это ты их когда успел спрятать?

— В ресторане еще, перед тем, как сдать.

— Блин, опять ты меня удивил! Догадался же спрятать, а?

— Знал, что ты курить захочешь.

Коля был заядлый курильщик, и Иван не раз отнимал у него сигареты, которые тот пытался запрятать в своей амуниции при выходе в такие секреты, когда курение могло стоить жизни курильщику и его товарищам.

Коля достал сигареты, в пачке лежала и зажигалка.

— И огонь есть, ну ты молодец!

Закурили.

— Никак не пойму, Иван, как ты, который пачку в день выкуриваешь, можешь, когда надо, сутками не курить? Как?!

— Надо уметь управлять своими желаниями и контролировать свои пороки, Коля.

— Угу, — неопределенно буркнул тот в ответ, не то согласился, не то просто подтвердил, что услышал сказанное.

— Коль?

— Что тебе, Вань?

— А ты загадывал когда-нибудь, сколько лет ты будешь жить?

— Нет. А ты что, загадывал, что ли?!

— Ага.

— И сколько?

— Я хочу прожить восемьдесят пять лет и до последнего дня оставаться при уме и здоровье.

— Это ты сейчас загадал?

— Ага.

— А что еще придумал?

— Еще? Хм-м. Женюсь!

— С невестой определился?

Иван ненадолго задумался.

— Да.

— Люция?

— Да.

— Хороший выбор, одобряю. Я видел, как вы смотрели друг на друга.

— Да ладно, как?

— Как? Ты как будто сдерживал свою радость. Изю всех сил, но это плохо у тебя получалось. А вот она — с любовью, с восторгом каким-то даже.

— Не откажется она от моего предложения?

— Если не дура, не откажется. А она вроде совсем не дура.

— И — красивая.

— Ну, это уж тут у всякого свой вкус.

Помолчали. Иван тихонько улыбался своим мыслям, а Коля о чем-то сосредоточенно думал. Потом сказал:

— А я тоже тогда женюсь!

— На большой белой женщине?

— Мне больше никто не нужен. На ней.

— И начнется у нас тогда совсем иная жизнь.

— Будем дружить домами?

— Надо постараться.

— А если наши женщины не понравятся друг другу, мы-то с тобой нашу дружбу ведь не забудем?

— Нет, Канатбек Шершеевич. Не забудем, дорогой ты мой товарищ!

— Спасибо тебе, Иван Богданович!

Почему-то они совсем не думали о том, что с ними будет не тогда, когда они обзаведутся женами и домами, а вот сегодня, через несколько часов. Драка в ресторане, сопротивление полиции — это ведь вполне себе уголовное дело. Но друзья не видели за собой никакой особой вины: ну, подрались в ресторане, так ведь они просто защищались. А если придется возмещать материальный ущерб ресторану, заплатим. Хотя директор обещал не выставлять им никакого счета, а еще обещал показания в их пользу дать.

Зря они чувствовали себя спокойно.

В ловушке

Капитан латвийской полиции долго и подробно писал отчет о происшествии, директор ресторана сфотографировал все убытки, распечатал на принтере фотографии и попросил приобщить их к отчету. Капитан собирался записать возмещение потерь на чужаков. Дожидаясь следователя и экспертов, он завел разговор с персоналом, с каждым по отдельности. Многие, едва ли не все, говорили, как надо. Женщины завидовали Люции: ее все любят и живет она легко, теперь они пользовались удобным случаем, чтобы досадить ей. А на мужчин, почти на каждого, у капитана был компромат, на кого больше, на кого меньше, но любого оказалось легко поприжать. В целом вырисовывалась однозначная картина: Седой с товарищем затеяли в заведении пьяный дебош. Женский персонал был не против и Люцию вписать в виноватые, но про эти их намеки капитан распорядился забыть. Только директор и заупрямился, прямо заявил: «Весь дебош из-за вас случился!»

Капитан сказал директору прямо: «Вы не понимаете, уважаемый. Если вы дадите нужные показания, я сделаю все, чтобы ваши убытки были покрыты — за счет мон-

гола с русским, за счет страховой компании, за счет нашего правительства. Ну?!» Директор замялся и попросил время подумать.

Люция же в разговоре с капитаном ограничилась одной фразой: «В любом суде я скажу правду». Капитан даже в протокол ничего не стал записывать про Люцию, как будто и не было ее в ресторане во время драки. Решил, что и ему, как директору, надо подумать над тем, какая линия его поведения будет наиболее выгодной применительно к развитию его отношений с Люцией. Когда он отпустил ее после опроса, та сказала: «Ты сейчас поедешь в отделение, куда Ивана с товарищем увезли. Не вздумай что-нибудь делать с ними. Если с его головы упадет хоть один волос, тогда...»

— Что тогда будет?

— Тогда даже не подходи ко мне!

Капитан собирался плотно отработать взятых чужаков за причиненный ему лично моральный ущерб, пока только не решил, самому это сделать или помощников взять. Наверное, лучше самому, склонялся он, один зайду в камеру. В отделении сейчас остается один человек, еду с патрульным экипажем, это еще двое. Я четвертый. В ресторане этого оказалось мало, в отделе я и один справлюсь, они же в наручниках. А угроза Люции — пустое, да и не узнает она ничего. Не станет же Седой жаловаться ей, что я его побил.

Следователя с экспертами не было долго. Капитан в компании директора выпил за счет заведения три кружки светлого пива и несколько рюмок водки. Почувствовав просыпающееся пьяное бешенство, решил, что пора ехать разбираться с москалями.

Дежурный в отделении, куда привезли Ивана с Колей, уловил запах сигаретного дыма, но даже замечание делать не стал. Рассудил, что вот потребует он прекратить курение, они его пошлют куда подальше, и что он тогда сможет сделать? Дежурный даже в глазок не заглядывал. Он злился — вместо спокойной ночи, когда и выспаться можно, сиди теперь, жди развития событий. Задержанных приняли без протокола, так в наручниках и запихнули в камеру. Изъятые у них личные вещи без всякой описи бросили в ящик стола, сказали, чтобы ждал капитана, тот скоро будет, он со всеми процедурами разберется.

Дежурному стало любопытно: что же именно изъяли у задержанных?

Он открыл ящик стола, увидел документы, телефоны, на пухлые их бумажники присвистнул. Открыл один, второй. Оба набиты наличными евро крупного номинала. Борясь с желанием пересчитать деньги, потянулся за паспортами задержанных. Он любил рассматривать документы незнакомого человека — вглядываться в фотографию, и, высчитав возраст и зная еще только место его рождения, он пытался представить, какой могла быть чужая жизнь. Но первая информация, которую он узнавал, где был выдан документ. «Екатеринбург. А второй? Магаданская область, город Сусуман — это же на краю земли! А Екатеринбург — это кажется, где-то под Москвой. Или нет? Так, а родились вы где? Черт, а где этот Екатеринбург находится все же?» Дежурный полез в Интернет, долго и с удивлением читал про Екатеринбург. Особенно его поразило количество населения. «Большой город, полтора миллиона жителей, это же всего на триста-четыре тысячи меньше, чем живет во всей Латвии. И от Москвы он далеко, почти тысяча семьсот километров. И зачем наши политики задирают Россию? Зачем злить этого огромного медведя?!»

Не будем гадать, дошел бы дежурный в своих размышлениях до антиправительственных настроений или, добравшись в этих размышлениях до порога, вернулся назад, чтобы привычно и испуганно спрятаться за мощь Евросоюза и США. Потому что вдруг скрипнула входная дверь и раздались шаги входящих — капитана и сопровождавших его капрала и первого сержанта.

Капитан кивнул дежурному и, не обращаясь к вошедшим с ним полицейским, чуть вытянул назад руку ладонью вверх. Сержант услужливо вложил в нее дубинку, капрал уже открывал дверь в камеру.

Коля на звук открываемой двери принялся разгонять сигаретный дым, вполне себе нелепое действие: я тут накурил, но это я нечаянно, я искренне извиняюсь.

— А где твои наручники? Кто снял? — вкрадчивым голосом спросил капитан и сразу завелся: — Кто позволил курить в камере?!

Капитан скользнул взглядом по Ивану, увидел, что у того руки закованы, и, поднимая дубинку для удара, двинулся на Колю.

«Так, этот пьяный, в дверях еще двое плюс дежурный. Их всего четверо, нормально, надо их делать, запереть всех в камере, забрать документы, телефоны и деньги и уходить», — Иван мгновенно просчитал порядок действий.

— Ждем! — крикнул Иван своему товарищу и кивнул на открытую дверь в надежде, что Коля поймет: надо тех полицейских, что застыли в дверях, заманить в камеру, в тесноте, когда они будут осторожничать в драке, чтобы не зацепить друг друга, их будет легче выключить. Но Коля Ивана не слышал. Он увернулся от одного удара дубинкой, почти ушел от второго, со стороны наверняка показалось бы, что Коля просто отворачивается от побоев, что он явно демонстрирует свое нежелание драться. На самом же деле Коля готовился к нападению. Его нападение было молниеносным и страшным. Он один только раз выкинул руку к лицу капитана. Кто-то называет такой удар нечестным. Конечно, бить человека по лицу вообще нехорошо, но капитан лез к Коле с дракой уже во второй раз за день. Капитан зашел в камеру с дубинкой, собирался отомстить за свое публичное унижение людям со связанными руками. Это разве честно? Хотя и, может быть, Коле стоило бить по глазам противника не одним, а двумя пальцами, указательным и средним. Капитан при таком ударе взвыл бы так же, как сейчас, но остался бы гарантированно живым и точно целым: при ударе одновременно двумя пальцами невозможно ни убить, ни вырвать глаза. А при ударе одним пальцем — можно. Если бить указательным, можно и до мозга достать — убить. Но Коля ударил своего противника большим пальцем, не на всю его длину и всего лишь вырвал глазное яблоко. Капитан заорал, выронил дубинку и попытался бежать. Иван подножкой уложил могучее полицейское тело мордой в пол и бросился к двери, чтобы младшие чины рижской полиции сгоряча не закрыли дверь в камеру. Коля подобрал дубинку и кинулся следом.

— Не убиваем! — крикнул Коле Иван.

Сержант с капралом оказались неплохо подготовлены к рукопашке, умело защищались и вполне профессионально нападали. Иван мог работать только ногами — руки в наручниках — и только вполсилы — из-за прооперированной ноги. Коле приходилось тяжело. Дежурный, не вступая в драку, кинулся к оружейке.

— Коля, бери третьего!

Дежурный уже вставлял обойму в пистолет, когда Коля достал его. Удар получился плохо подготовленным и не самым сильным — Коля бил в прыжке, едва дотягиваясь до противника. Но и этого хватило: дежурный выронил пистолет и, даже не думая драться, кинулся к выходу. Коля бы его догнал, но заметив, что сержант с капралом одолели-таки Ивана — уронили на пол и обрабатывают его ногами, бросился к другу на помощь. Капрала он с ходу достал дубинкой по виску, однако и сам при этом пропустил болезненный удар сержанта. Иван, не успев подняться, вложил всю силу здоровой ноги в удар, пытаясь попасть в щиколотку сержанта. В горячке драки они не заметили, как окривевший капитан с редкой для его комплекции скоростью выскочил на улицу. Иван с трудом поднимался на ноги, Коля это видел, видел и то, что сер-

жант с капралом только защищаются, отступая к выходу. Он на секунду остановился, явно давая им возможность последовать за своим начальником, что они и сделали. Коля бросился к Ивану, помог ему подняться.

— Я нормально, Коля.

— Ну слава богу!

В наступившей вдруг тишине они услышали возню у входных дверей со стороны улицы.

— Проверь, Коля.

Коля бросился к двери:

— Нас закрыли.

— Мы в ловушке. Запри дверь изнутри и давай думать, что нам делать.

Русские не сдаются

— Коля, ищи ключ от наручников, у меня пальцы уже синеют.

— Черт, я думал, браслеты этой модели не затягиваются сами по себе. Ошибся.

Ключи от наручников остались в кармане у кого-то из полицейских. Коля перерыл все ящики стола дежурного, в отчаянии заглянул даже в камеру для содержания временно задержанных — там ключей не было тоже, на полу валялся только глаз полицейского. Коле вдруг стало интересно, какого тот цвета. Осторожно и брезгливо он поднял глазное яблоко капитана, повертел. Мутные они у него какие-то, решил Коля и осторожно положил глаз на угол лавки. Проговорил вслух:

— Ключик не находится. Черт, и пилить-то их нечем.

Вышел из камеры и вдруг увидел шкаф для верхней одежды. Там на форменном ремне, очевидно, дежурного висел футляр с наручниками. Наручники оказались той же системы, что и у Ивана. Иван, радуясь свободным рукам, подошел к выключателю, погасил свет, вернулся к столу, выключил настольную лампу, выключил компьютер.

— Думаешь, они уже снайперов расставили? Рано, не успели еще.

— Это чтобы потом не забыть. Итак, что мы имеем, Коля? — растирая руки, начал Иван. — У нас был единственный шанс — запереть полицейев в нашей камере и спокойно уйти. Мы им не воспользовались, но не будем об этом жалеть. Шанс был слишком прозрачный. Что теперь? Сами полицейские к нам не сунутся — вон у нас сколько оружия, целая оружейная комната. Штурмовать нас будут спецы. Пока они соберутся, пока разработают план, пока его утвердят наверху, пройдет несколько часов.

— А переговоры?

— Какие?

— Ну, они же должны уговаривать нас сдаться!

— Это если бы у нас были заложники. Никаких переговоров не будет. Но сдаться нам предложат, конечно.

— Русские не сдаются!

— Веселый ты парень, Канатбек.

— Сдаваться неохота. Нам же такой срок наматывают.

— Можем не сдаваться, можем поиграть в войну. Только это еще хуже. Кого-нибудь мы все равно положим при штурме, а от этого сидеть нам придется еще дольше.

— Если мы не сдаемся и не воюем, то что мы тогда делаем?

— Думаем. Вот что, Коля. Метнись быстро по зданию, может, выход на чердак есть? Дверь они контролируют, а вот про чердак могли и не сообразить. Давай живо!

— Есть, Иван Богданович! Я мигом!

— Постой. Ящик вон у дверей. Там не ключи?

Коля открыл довольно вместительный настенный ящик:

— Ключи. Но в основном, должно быть, от кабинетов, магнитные. А выходу на чердак полагается простой замок, навесной. Возьму вот эти, они тут самые простые.

— Фонарик тебе хорошо бы. Свет лучше не включай нигде.

— Фонарик? Обойдусь. Небо ясное, луна светит, я вижу. Я быстро!

Когда Коля ушел, Иван достал из ящика отобранные у них при обыске вещи. Распределил по карманам свои, подумал немного и так же расчетливо, чтобы они не мешали при движении, распределил по своим карманам документы, телефон и кошелек товарища. Встал, прошелся, явно прислушиваясь к прооперированной ноге, заглянул в оружейку.

Оружие оказалось так себе: были там в основном пистолеты (никчемная, в общем-то, в бою вещь) и короткоствольные автоматы для ближнего боя, хороши разве для расстрела городской невооруженной толпы. Иван их и в руки брать не стал, потянулся за единственной в пирамиде снайперской винтовкой. Это была немецкая Heskler & Koch PSG-1. Пару раз он стрелял из такой в учебке. Они тогда из каких только снайперских винтовок не стреляли — американских, немецких, израильских. Но больше из наших, из СВД и даже «мосинки». Немецкую винтовку Иван никогда бы не выбрал. Обычного прицела у винтовки нет, а оптика рассчитана на стрельбу от ста до шестисот метров. Это так в характеристиках оружия записано, а на самом деле добрую кучность она дает до трехсот метров, да и то при стрельбе с «хорошей пулей». Расстояние для стрельбы киллеров и полицейских. Только в городе и воевать, а для боя в горах или степи вещь слабая. И магазин оказался маленьким. Иван помнил, что к этому типу винтовки немецкого спецназа, и армейского, и полицейского, используются магазины емкостью на пять и двадцать патронов. Пошарил на полках, сменных обойм не нашел, зато в одной из открытых коробок обнаружил россыпь патронов семь шестьдесят два миллиметра натовского калибра, как раз к этой винтовке.

«Так что это я? Мы же не собираемся воевать», — сказал сам себе Иван, вернул винтовку на место. Повернулся уходить и заметил налобный фонарик, который совсем по-домашнему валялся на старом снаряжном ящике. Фонарик оказался рабочим, Иван поднял крышку ящика — там навалом лежали старые охотничьи ружья, ржавые автоматы времен Великой Отечественной войны, пара гранат без запалов, разнокалиберные патроны россыпью. «У населения незаконное оружие и боеприпасы выкупают, должно быть», — подумал Иван и последним, перед тем, как отойти от ящика, движением приподнял оружейный металлолом — вдруг есть что-нибудь интересное. Он не сразу поверил своим глазам — на самом дне лежал штык-нож к автомату Калашникова образца 1947 года. Про такой они вспоминали сегодня — или уже вчера? — в поезде.

— Это к чему же ты попался мне на глаза? — Штык был в отличном состоянии, ножны тоже — без ржавчины и с сохраненным острым концом. Иван помнил, что была какая-то примета — тупить конец ножен, просто загибать его, а зачем это делали, вдруг вылетело из головы. Иван пристроил штык — нож в осенний свой ботинок с высоким берцем. «И обувь — как специально выбирал. Второй знак. Будет, значит, и третий, он все и разъяснит».

Иван вышел из оружейной комнаты, положил фонарик на стол. И тут бесшумно появился Коля. На вопросительный кивок Ивана ответил:

— Чердака у здания нет, люк выходит сразу на крышу...

— Ну, чего замолчал?

— Поздно, Вань. Я даже люк открывать не стал, голоса их услышал. Двое нас там точно ждут. Может, больше, но два голоса я разобрал.

— Что-то быстро они сработали.

— Ага. Натаскали их разные америкосы. Что делаем?

- Подвал, Коля!
- Точно! В подвал лучше с фонариком.
- Возьми, на столе лежит.

Звонок племянника

В подвале Коля включил фонарик. Батарейки его были сильно подсевшие, но так даже лучше, яркий свет можно заметить с улицы через продухи — небольшие окна для естественной вентиляции. Именно с них Коля начал искать выход из ловушки. Продухи часто забирают сеткой — от котов, сетку эту нетрудно вырвать. Главное — найти такое оконце, через которое можно было бы пролезть. Тут была одна надежда — уже выпавший кирпич рядом с оконцем или такой, который можно выломать. Коля обошел весь периметр подвала. В здании после недавнего ремонта цоколь привели в идеальный порядок: проемы подвальной вентиляции оформлены новой кирпичной кладкой, стены побелены, пол сухой — ни малейшего запаха сырости.

— Глухо как в танке. Думать, Канатбек, думать! — приказал сам себе Коля. — Подвал не может быть абсолютно замкнутым, через него с улицы заведены коммуникации. Где-то же они выходят наружу. Черт, что ж я сразу-то не смотрел, когда продухи прошупывал!

Примерно в ту секунду, когда Коля стукнул себя по голове от досады, Иван вздрогнул от звонка своего телефона. Взглянув на экран, удивился: «Племяш?! Повода для звонка никакого, значит, что-то случилось. Вот он, третий знак».

Все редкие свои разговоры с племянником Иван заканчивал одними и теми же словами: «Может, ты единственный на всей Земле человек, в ком бежит родная мне кровь. Если возникнут проблемы, не стесняйся обратиться за помощью». Ни разу за все годы племянник ни о чем не попросил. И вот такой час настал.

— Иван Богданович, на тебя моя последняя надежда. Оборзели вконец хлопчики, мало им того, что плачу каждый месяц. Требуют отдать весь бизнес. Отец советует отдать, говорит, что лучше быть бедным, но живым.

- А полиция не вмешивается?
- Я думаю, что полиция заодно с бандитами.
- Сколько тех, с которыми тебе надо помочь?
- Верховодит пятерка. Если их... если их не станет, остальные не рыпнутся.
- Что ж, племяш, жди. Скоро буду. Конец связи!

Услышав ответ племянника, выключил телефон, вздохнул: «Неужели я живу только для того, чтобы убивать?» Подошел к окну, внимательно осмотрел улицу. Одну засадку заметил — блеснула от света луны кокарда на бейсболке полицейского. «Спеццы еще не подтянулись, те будут в шлемах», — оценил Иван.

А Коля в этот момент простукивал стену вокруг трубы центрального отопления. Труба входила в подвал примерно на метровой высоте. Над трубой стена была добротно залита бетоном. А вот внизу вместо бетонного раствора оказалась монтажная пена. Пена была покрашена в несколько слоев в цвет стены, стояла бы вечно, и никто бы никогда не уличил рабочих в разгильдяйстве. Коля же был им безмерно благодарен. Он ногтями крошил монтажную пену, тихонько забирая ее к себе — чтобы куски не сыпались на улицу, они, конечно, легкие, упадут почти без звука, но и шорох в ночной тишине может привлечь внимание. По темноте, которую Коля увидел через дыру, он понял, что они выйдут на второстепенную улицу, «лишь бы не во двор отделения, там может быть забор. Ничего, разберемся, главное — выйти из здания».

Дыра оказалась вполне достаточной, чтобы сам Коля в нее легко проскочил. «Ване будет труднее». И Коля, чтобы расширить лаз, принялся сдирать с трубы что-то по-

хоее на рубероид и утеплитель под ним. Утеплитель крошился, попадал в нос и глаза. Больше всего в эти секунды он боялся чихнуть... «Ну вот, теперь и Ваня легко пройдет», — довольно подумал Коля и бросился за товарищем.

...Прошло совсем немного времени, когда друзья закурили на берегу Даугавы.

— Выскочили, Вань!

— Выскочили, Коль, — ответил Иван, доставая из карманов документы, деньги и телефон товарища. — Принимай без описи! Теперь расходимся в разные стороны, ты схоронись где-нибудь, дня через два-три я тебя найду, — видя удивление товарища, добавил: — Племянник звонил, бандиты его прижали, надо помочь. Я быстро.

— Нет, Иван. Я тебя не отпущу одного, у вас там бардак в неньке. Да и я тут один спалюсь! Идти мне не к кому, в гостиницы нельзя, на вокзалы нельзя. А нас с тобой наверняка в розыск объявят, по телевизору покажут, не зря нас этот, который теперь одноглазый, в ресторане в наручниках сфотографировал. Мою азиатскую рожу быстро сдадут добропорядочные горожане.

— Ладно, брат. Ты прав. Спрятаться тебе здесь негде. И я в этом городе одного только человека знаю. Но к ней нельзя, Люция сейчас наверняка под наблюдением будет. Поедешь со мной. Только работать буду я один. Хорошо-хорошо, ты меня подстрахуешь.

— Ты оружие-то прихватил с собой?

— Взял кое-что.

— Смотри, а мы здесь вчера утром купались!

— Точно, здесь. Как удачно сложилось — таксисту не надо долго объяснять, где нас забрать, — проговорил Иван, доставая визитку латыша, который возил их вчера по Риге. — Надеюсь, из Полоцка он уже вернулся.